

18+

Никита Ковалев

ШКАТУЛКА ДЛЯ СОЛОВЬЯ

Роман-антиутопия

Никита Ковалев

**Шкатулка для соловья.
Роман-антиутопия**

«Издательские решения»

Ковалев Н.

Шкатулка для соловья. Роман-антиутопия / Н. Ковалев —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Виктор пережил эпидемию. У него нет дома, друзей,
он избегает нежелательных встреч и трепетно оберегает свой секрет,
который выпускает на волю лишь под покровом темноты. Трущобы хранят
воспоминания и боль в замолчавшем мире. Последнее из известных ему
пристанищ человечества ведёт мужчину на Север.

© Ковалев Н.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Надежда	8
Глава первая	8
Глава вторая	11
Глава третья	13
Глава четвёртая	17
Глава пятая	20
Глава шестая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Шкатулка для соловья

Роман-антиутопия

Никита Ковалев

Корректор Елена Николаевна Тарасенко

© Никита Ковалев, 2026

ISBN 978-5-0069-9300-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Это произошло в один из дней, когда ни о чём, кроме тепла, житель Высьбурга не помышлял. В многоэтажном городе, небоскрёбы которого касались несбыточных надежд многих архитекторов-неудачников, существовало два мира: верхний (жилой) комплекс и рабочие зоны, оседающие на нижних этажах. Сообщение между ними появлялось раз в сезон, когда фабрики и котельные уходили на ремонтные работы. В те дни сквозь рассеивающийся купол смога пробивалось солнце — совсем ненадолго, отчего на земле почти не прорастала зелень. Там, под раскалёнными железными печами, выживали лишь сорняки. Их сухие стебли с колючками и иглами вместо листьев опьяняли работяг ароматом сока, которым местные знахари подслащали препарат, известный в тех краях, как «Зимняя роза». Он оживлял изнурённые тяготами мышцы, снимал боль в порванных жилах, но его действия с натягом хватало на смену, после чего полусонный и обессиленный человек шёл за очередным свёртком, должен был идти. За каждым работником там, внизу, закреплялись не комнаты и не пролёты, а целые здания, где требовалось поддерживать условия, благоприятные для жизни наверху. Закон нижних этажей воздавал каждому по силам, а его суть не терпела оправданий: «Чем бóльшую пользу ты приносишь обществу, тем дальше от рабочих зон будут жить твои дети». Семья в Высьбурге ставилась на первое место; традиционные ценности навевались отнюдь не телевизионной пропагандой, и не книги учили людей, как нужно жить. Учителями выступали мужчины и женщины, проливающие пот в железных стенах уровней 0—10. Такой стала жизнь после прихода птичьей чумы.

Фото автора

Часть первая. Надежда

Глава первая

Он шёл двести двадцать восьмой день, останавливаясь лишь на ночлег. Небрежно обкромсанные волосы, напоминавшие облитую мазутом солому, шаркали по его щетине, точно скребки по застывшей штукатурке. Голодание всё острее затачивало грани воли, скрытые у мужчины под толстым серо-красным свитером. Походка отражала полноту сил, но их оставалось ровно на одну цель. Заканчивалось самое холодное на его памяти лето — и самое тихое. Недавно прошли дожди, и асфальт приятно отдавал сыростью. Когда встречный ветер развеивал этот запах, мужчина с блаженством вытягивал руки в стороны. Постояв так некоторое время, он стаскивал к ногам ветхий серый рюкзак и, от края до края расстегнув молнию, пустил внутрь свежий воздух. Безмолвие округи пререзал птичий щебет. Тогда мужчина закидывал рюкзак обратно, изображал обветренными губами нечто, напоминавшее улыбку, и брёл дальше.

«Дневник. Запись от семнадцатого апреля.

Птицы погибли первыми. Я посадил напарника и двинулся к дому, когда на капот моей машины упали два голубя. Они были ещё живы и несколько секунд барахтались на дороге, смотря ледяными глазами в пустоту. Затем всё прекратилось; я смыл со стекла прилипшие перья и, выбросив произошедшее из головы, поехал домой. Солнце ещё не зашло за горизонт и выжигало стоящую в воздухе пыль. Кто-то из моего окружения жаловался на птичий галдёж минувшей ночью, но я рано лёг спать — последние дни перед отпуском выбили меня из сил.

Под утро на землю опустился туман. Он был густым, собачий лай не умолкал больше часа, пока звери не прижали хвосты и не разбрелись по укромным углам. Все разом. Затем установилась жара, июльская засуха пришлась на разгар музыкального фестиваля, но люди всё равно заполняли площадь города, горлая строчки выступающих групп. Никого там не беспокоило, что с веток и проводов исчезли птицы. За шумом музыки их ор над морем остался неуслышанным.

Моя дочь завершала программу; школьный джаз-квартет отыграл своё время под покровительством других групп, вышедших поклониться публике. Девочку забрала со сцены мать. Я проследил их уход из-за фонарного столба, не решившись подойти ближе. Напарник ждал в машине, у нас обоих руки были измазаны моторным маслом. Я опомнился, вытащил из кармана комбинезона платок и начал извиваться возле бокового зеркала. Лоскута хватило на два запястья и одно предплечье, я оттёр правое, чтобы при переключении скоростей не пачкать салон. Напарник сонливо вздыхал от жары, скрестив на груди руки. На его пухлом вытянутом лице не нашлось места эмоциям: он одобрительно вздохнул, махнул рукой на дорогу, и, опустив солнцезащитный козырёк, я завёл двигатель...»

С каждой минутой становилось всё темнее. Небо обволакивали тучи, от холода сводило пальцы. Виктор достал карту и осмотрелся по сторонам. На дорожном указателе значился сто тридцать пятый километр.

— Проклятая дорога, проклятая тишина... — заметив на обочине ровное место, мужчина поставил палатку, после чего разжёг костёр. Где-то вдалеке его глаза отыскивали два таких же очага. Виктор нахмурился и вытащил из рюкзака маленькую шкатулку, прислонив её к уху. На его посвистывание сумерки ответили шелестом листвы. Тогда путник поднёс к губам гар-

мошку, вдохнул в неё несколько звуков и рассмеялся — из шкатулки донеслось соловьиное пение.

«Дневник. Запись от двадцатого апреля.

Привычная вакцина от птичьего гриппа лишь оттягивала сроки. Новый штамм Р-17 не знал границ, распространяясь по городам, континентам, смрад стоял всюду. Пошли бесконечные проверки, зоны безопасности превратились в точки паломничества для десятков тысяч выживших. Остальным было не помочь...»

В шкатулке соловья стены были сделаны из стальной сетки, какую механики используют для защиты радиатора. Так птица могла дышать и не могла вырваться, что выливалось для неё в непереносимое условие для выживания. Остались ли в природе другие соловьи, Виктор не знал. У него не было ни дома, ни семьи, не было и желания дальше терпеть новоиспечённую действительность, однако путник продолжал идти, оберегая свой маленький секрет.

Ночами, когда никто не мог их увидеть, Виктор заходил в брошенные дома и, закрывшись в небольшой комнатухе или кладовке, выпускал соловья на волю. Пока птица разминала крылья, он прижимал к губам гармошку и начинал играть. Музыка всегда получалась бодрой, не вяжущейся с окружающим хаосом. Виктор сам не понимал, откуда она берётся в нём, но всякий раз пение соловья отвечало на этот вопрос.

Его дочь умерла в восьмой месяц эпидемии. На тот момент вакцина была в разработке, никто не смог ничего сделать. Первые дни Виктор провёл с бывшей супругой, просидел у её постели во избежание новых попыток женщины наесться таблеток, лишаящих жизни. На четвёртый день она молча оделась, не взяв с собой ничего, кроме сумки, и растворилась в потоке беженцев. Больше Виктор её не видел. Он скрывался в городе до последнего. Порой ему хотелось остаться там навсегда, но с каждым днём данное дочери обещание спасти её соловья обретало для мужчины всё больший смысл. Была ли на Севере заповедная зона или ушло даже её время, Виктор не имел представления, но должен был туда добраться.

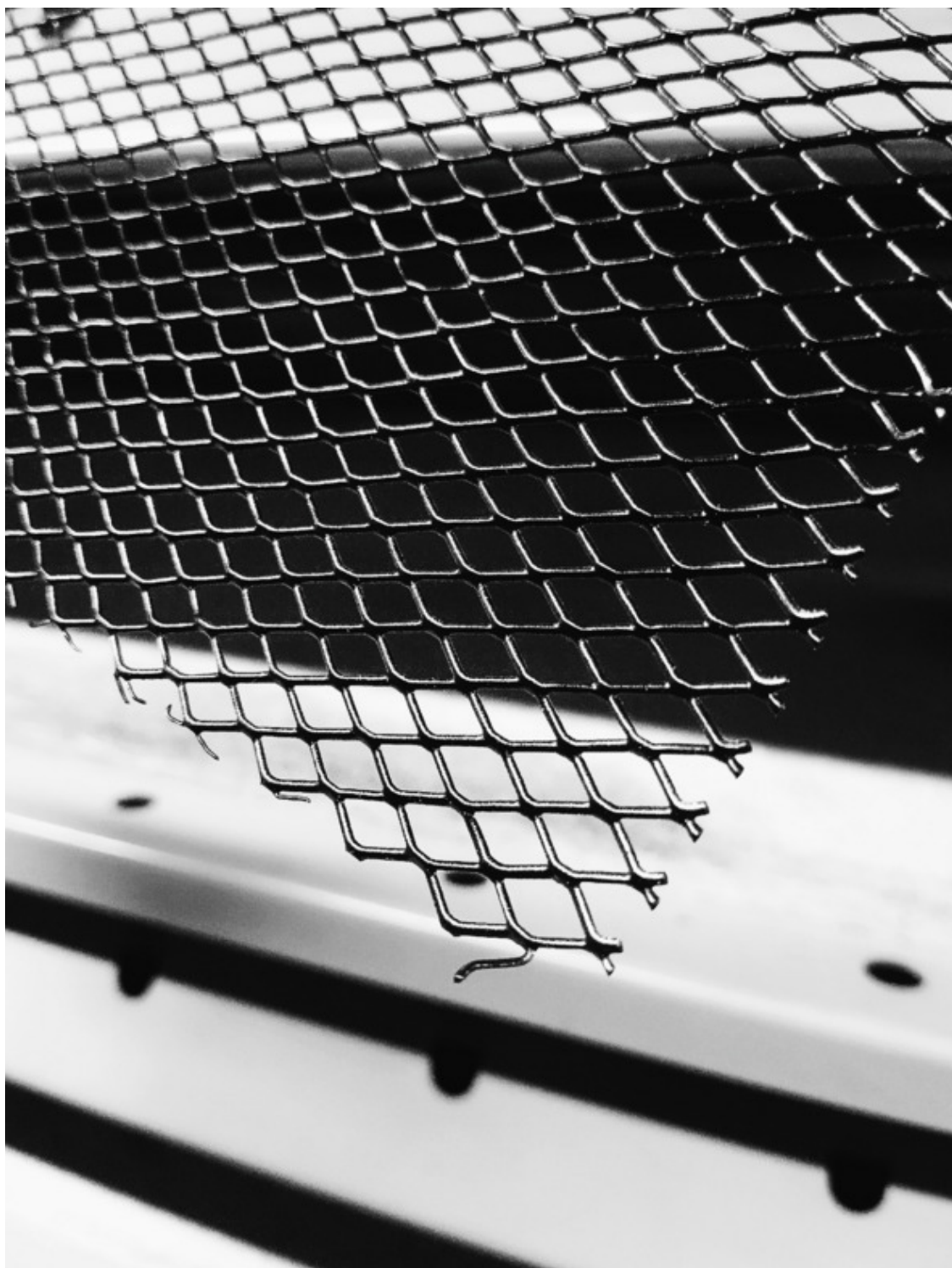

Фото автора

Глава вторая

Сквозняк разбил в соседней комнате вазу, и спросонья Виктор ошарашенно вцепился в отломанную ножку стула. Соловей дремал в своей шкатулке, мужчина молился, чтобы птица не подняла шум. Он приоткрыл дверь и, прилипнув к стене, двинулся на звук шелестящих жалюзи. От обуявшей его истерики осколки под окном мелкой крошкой разлетелись по комнате. Виктор не отстал от вазы, пока не добил то, что уцелело, гнев перевесил здравый смысл. Один из осколков отрикошетил от пола и рассёк веко.

— Легко отделался, мог остаться без глаза. Дурак, дурак... — мужчина съехал по стене на пол и вяло вцепился в волосы. Шёл седьмой час утра, восточное окно дома золотилось от выплывающего из-за крыш солнца. Оно пробыло там недолго, исчезнув в густом скоплении облаков. «Опять будет дождь», — Виктор собрался с духом и вышел на кухню. Ничего съестного он там не нашёл. Вода была перекрыта; мужчина повернул вентили, но и тогда из крана не донеслось ни звука. Виктора это не удивило. Водозабор всегда отсекался после постановления властей о сдаче обречённого поселения судьбе. Ни света, ни тепла — с последней партией беженцев на местности отключались все инфраструктуры; прилавки пустели, владельцы бросали свои магазины с дюжиной замков на дверях и витринах. Они не хотели оставлять мародёрам честно нажитого, большинство готовы были вернуться за оставленной партией товара, лишь бы тот никому не достался. Виктор скалил зубы всякий раз, когда взламывал очередной прилавок в надежде отыскать там пачку сухарей. Как правило, чудеса обходили его стороной.

За год улицы превратились в декорации для антиутопии. Виктор экономил всё, что сохранил с первых дней пути: в его рюкзаке гремели батарейки для фонаря и часов, термос, коробок с патронами для травмата, аптечка и заветная шкатулка. Пистолет мужчина даже за едой прижимал к бедру, будто тот мог испариться. В городах и сёлах ещё оставались люди, Виктор не искал встреч с ними, поэтому после пополнения запасов и ночёвки немедленно убирался восвояси.

Однажды ночью после далёкого выстрела ему послышался лай. Некто утихомирил пса; огонёк от костра тут же угас, а спустя несколько минут зажёгся чуть поодаль, где осматрительный хозяин, стало быть, устроил своему соратнику пир на чьих-то костях. Для Виктора это была первая за много месяцев встреча с собакой. Переносчики бешенства дополнили спектр вируса, превратив его в оружие против человечества. Никто уже не разбирался, безопасно животное или нет, началась охота. Тогда стреляли так много, что все только и ждали, когда их самих признают балластом в цепочке нового мира. Но тот полночный лай напомнил Виктору о надежде, и, отшвырнув от себя осколки разбитой вазы, он задумчиво подошёл к окну.

С каждым пройденным городом становилось всё холоднее. В том доме Виктор не задержался: бросил в рюкзак пару банок с салатом, найденных под полом на кухне, переоделся, переобулся, аккуратно сложив старые вещи взамен новых, и ушёл. В свете дня его не оставляло чувство, что где-то кто-то наблюдает за ним под покровом безмолвия. Виктор не тешил самолюбие идеями, что он единственный, кто осмелился пойти против системы. Вопрос был в том, какие цели преследовали те, другие, которые оставляли после себя боль.

Иногда по ночам Виктора будил свет. Спасаясь за холодными стенками ванной, в подобные минуты он не понимал, как сердце может колотиться так громко. По городу шли «чистильщики». Вереница внедорожников то разделялась, то вновь собиралась в ряд, и прожектора, заглядывающие в окна, проявляли ярким белым светом картины мёртвого мира. «Чистильщики» приходили из будущего, того, где вирус был остановлен. Искали ли они нарушителей, пытались ли найти доказательства, что зараза оставила трупцы, — Виктор сомневался, но не забыл, как при встрече с ними кричал бедолага Алик.

Он знал его всего один вечер. С начала эвакуации Алик прожил в хрущёвке на углу проспекта Литейщиков и сквера, не найдя смысла что-то менять. Узбек застал Виктора за розжигом костра и как ни в чём не бывало водрузил складной стул рядом с его лежанкой. Стояла духота, но Алик не снимал с себя тёплый бушлат, где нашлись и сигареты, и парочка запечатанных флаконов с ликёром. После минутной растерянности Виктор принял дружеский жест: сначала сделал глоток ликёра (едва удержавшись, чтобы не опустошить флакон залпом), затем робко вытянул из протянутой пачки сигарету. Запалил он её от костра, но так и не поднёс к губам — скомкал в руке, ничего не ответив на недоумение благодетеля. В своё время Виктор с трудом бросил себя травить, жизнь заставила. Его лицо разгладилось; назвав друг другу имена, мужчины склонились над костром, и музыкальная шкатулка в рюкзаке сыграла-таки запретный аккорд.

Соловей подал голос без дозволения. В том было его право, с которым Виктор ничего не мог поделаться. Даже не оглядываясь, он почувствовал, как Алик сладостно сощурился. Дирижируя указательным пальцем, мужчина принялся мурчать что-то на узбекский манер, его глаза стали похожи на глаза безумца. Виктор насыпал соловью сухих насекомых из давнишнего набора для кормления рыб и накрыл шкатулку платком. Насытившись, птица скоро утихла, Алик же тяжело задышал. Он больше минуты не поднимал взгляда с одной точки в центре костра, клацая ногтями по флакону с ликёром. Вопрос «Что просишь за пташку?» долго крутился на его тонких, бледных губах, а решился он, когда Виктор собрал вещи и побрёл в соседний подъезд.

— Эй, слышишь? Что тебе нужно? — с мольбой повторил бродяга, но ответа не последовало. Держа руку на пистолете, Виктор шагнул в черноту ночи, и слёзы Алика остались по другую сторону железной двери. Потом пришли «чистильщики». Они всегда являлись ближе к рассвету, когда их ждали меньше всего. Алика взяли без волокиты: тот по-прежнему корчился у костра, потягивая ликёр. Брошенный во внедорожник флакон стал единственным актом сопротивления с его стороны. «Противогазы» ударили слезоточивым газом, и их колонна с гулом утекла на другую улицу. Обождав несколько минут, Виктор покинул укрытие и, не разбирая дороги, ворвался в первый незапертый подъезд. Там он до утра просидел у окна лестничного пролёта, но за ним никто не пришёл. Алик не выдал его, возможно, уже не мог физически — Виктор остался в неведении. По заре он наелся яблок, спеющих в палисаднике пятиэтажки, и отправился дальше.

Глава третья

«Дневник. Запись от двадцать второго июня.

Аэропорт возобновил рейсы в Сибирь и на Север; жилищные компании, расширяющие поселения для беженцев, объявили о наборе рабочих рук. Я полетел ради дочери, поскольку семьям причастных к стройке гарантировался уголок в новом мире. Бывшая не дала пови-даться с малышкой, настроила её против меня задолго до эпидемии. Мы друг другу не подо-шли. Сволочь...

Это был мой первый рейс в жизни, лёгкое волнение имело место. Помню, мне страшно хотелось есть — вылет был задержан на несколько часов. Уже сев на своё место у окна, я огля-делся и нашёл самолёт битком забитым монтажниками, сварщиками и стропальями. Алексей, один из моих напарников, покашливал в двух или трёх рядах позади меня. Я быстро уразумел причины возбуждения этого сорокалетнего ходока налево: захлопывая карманы под ручную кладь, вдоль салона шли молодые, разрисованные косметикой бортпроводницы. Казалось, они не ели несколько рейсов — до того девушки были стройны, отобраны под один манер. Пока-чав головой в ответ на похабные жесты Алексея, я отвернулся к окну, мысли о прелестных девичьих телах казались мне тогда темой, о которой стоило думать поменьше. Одна из провод-ниц, однако, всколыхнула моё сердце, я искал её глазами до самого взлёта, пока от безделья не уснул. Минут через тридцать фиолетовая помада той брюнетки со стрижкой каре стёрла для меня смысл её прихода. Чуть облакачиваясь на тележку с бесплатными ужинами, девушка потёрла тонкую шею и с раздражительностью вцепилась взглядом в мои глаза. Я опомнился:

— Мне на ваше усмотрение. И, если можно, апельсиновый сок.

Она нисколько не противилась:

— Хорошо. Возьмите гречку с грибами. И, конечно же, сок.

Хрупкое тело нависло над моим соседом, но он так увлечённо выковыривал из салата брокколи, что, казалось, ничего не заметил. В неё хотелось влюбиться, и я впервые так прини-зил себя в собственном сознании, что загадал купить ту девушку, как какую-то невообразимую роскошь. Будь у меня состояние, я бы прямо спросил о месте, куда ей хотелось сбежать, лелеял бы каждую её прихоть. В моей голове сочинялась сказка, которую стоило перечеркнуть ещё раньше, но... Когда девушка подошла забрать пустой поднос, я безо всякого намёка попросил у неё стакан воды. И только. На мою благодарность, озвученную шёпотом, бортпроводница ответила нежным «пожалуйста». Тогда я закрыл глаза и снова растворился в фантазиях. Мне было в них хорошо...»

К четырём пополудни соловей поднял шум. Виктор посчитал, что шелест листьев в сквере напомнил птице о чём-то, ещё колышущем её маленькое сердце. «Однажды оно не выдержит тоски», — подумал мужчина и ускорил шаг. Фонтан в центре сквера зеленел от застойного образа жизни. Разросшиеся стены кустарников сплетали вдоль бордюров колючий навес, и Виктор не сразу почувствовал, как его шапчонка зацепилась за клыкастую лозу. Спу-стя несколько секунд от порыва ветра она свалилась на асфальт. По нему полз «солдатик». Вгрызаясь в глаза смотрящего чёрно-красным панцирем, жук напоминал гримасу демона, но Виктор был рад ему, как святому скитальцу. Была ли у насекомого цель, или холода оставили в его извилинах только стремление куда-то ползти, — мужчина нашёл в нём себя, потерянного и обречённого. Ранка от осколка вазы ещё поднывала, хотя эта боль не шла в сравнение с тем, как горели от мозолей его пятки. Виктор перешагнул через «солдатика», приоткрыл рюкзак, дав соловью осмотреться, и после непродолжительного пения тот замолчал. Его голос не нашёл отклика. Снова.

Фото автора

Перед сумерками выглянуло солнце, ничуть не согрев мокрую землю, а лишь дав о себе знать. Виктору от этого теплее не стало. Он оглянулся на перечёркнутое название посёлка, позабытое временем, и понял, что напрасно так далеко зашёл. На ночь глядя ему было спокойнее в трущобах. Виктор поднялся на пригорок, не увидел ничего подозрительного и всё же не рискнул устраивать ночлег в ближайшем домике, а прошёл вглубь улицы, приметив на нечётной стороне особняк с большими окнами. Забрался он в него по столбу веранды, разбив стекло на уровне оконной щёколды. Пронзивший тишину звон заставил мужчину привести все мышцы в готовность действовать. Он спрыгнул бы с трёхметровой высоты, не раздумывая, но

повода не представилось. Тогда Виктор протиснулся в форточку, разглядел в сумерках очертания детской комнаты и завалился на кровать. Потолок был усеян фосфорными звёздами. Они горели тускло; не дрогши в полудрёме рука Виктора, он бы забылся крепким сном, но ему следовало удостовериться, что дом пуст. Паркетный пол не скрипел от шагов мужчины, его беспокоило, что и он не сможет услышать приближение опасности. Проходя каждую комнату, Виктор заглядывал в шкафы, комоды и находил их пустыми. Солнце лениво падало за шёлковые шторы, которые дрожали от сквозняка. Он вонзался в мокрую поясницу мужчины, искал слабое место и нашёл почки. После пары камней органы то и дело подёргивало, словно под толщей тканей тянулись шрамы, помнящие боль. Виктор нащупал под свитером собачий пояс, поправил его, и хворь отступила.

Внизу, под лестницей, коридор тянулся в два направления: на востоке чернели неясные силуэты стульев, а на западе сумерки разрисовывали стены плясками палисадной рябины. Входная дверь была заперта на верхний замок, ключ от которого хозяева предпочли оставить при себе. Виктора это успокоило, он несколько раз дёрнул ручку, зачем-то вытер свои отпечатки рукавом и пошёл обустраиваться. Веранда дома выходила к реке, где плескалась рыба. Её было в изобилии, да не находились желающие закинуть удочку или запустить когти в студёную воду.

После захода солнца из-за сверчков и лягушек привычное безмолвие отступило. Слыша знакомые голоса, соловей начинал петь, а Виктор сколько мог патрулировал окна, пока всевластная ночь не одерживала над обоими верх.

Комната была просторная, кое-какие игрушки и фрагменты декора хозяева бросили хранить в доме воспоминания. Среди пластиковых почти угасших звёзд соловей парил около часа, пока запах сушёных насекомых не заманил его назад в шкатулку. Там птица скоро притихла, уснула и уже не видела опрометчивости хозяина, растянувшегося на берегу с намерением поудить.

Виктор даже в лучшие времена не умел подобрать блесну и толком не разбирался в рыбе, но теперь ему хотелось почувствовать себя другим человеком. На мгновение он стал им; тёплый июньский вечер четырёхлетней давности дышал тортом и апельсиновым соком, в котором на солнце таяли кубики льда. Тогда дочери Виктора исполнилось семь, родители устроили ей праздник на берегу пруда, где плавали лебеди. Мать купила девочке игрушку — говорящего попугая, отец свой подарок предварил сказкой.

«Дневник. Запись от двадцать шестого мая.

Ехали в электричке со стариком, развлекающим детей историями про прекрасное далёко. Одну сказку, пожалуй, запишу для дочери:

— Во времена, когда царств на Востоке было не счесть, а чудеса происходили по велению сердца, в древнем городе стеклодувов жил слуга Расул. Он попал во дворец султана ребёнком и к седым волосам стал ему ближе придворных советников и врачей. Многократно Расул защищал честь правителя на полях сражений, безропотно скитался по раскалённому песку и ночевал под холодной луной, когда жёны султана узнавали про заморские чудеса, задевавшие их честь. Бездонные нефритовые урны императора Фа, льстящее зеркало графа Морлока, неувядающая роза принцессы Тианы... Расул находил реликвии и под покровом ночи, терзаемый совестью, увозил их на своём белоснежном коне, крал. Такова была его ноша, и таковы были нравы дворцовых обитателей.

О, молодые годы, коим неведома мера! Душа четвёртой жены султана созревала неспешнее финиковой пальмы, ей хотелось повелевать стихиями. Птица Солнца стала мечтой для царицы и камнем преткновения для Расула, поскольку ею никто не владел, и у неё не было дома.

Два года и одну зиму слуга искал заветное диво, пока город Сиреневых Цветов, где среди снега и льда зеленели деревья, не распахнул перед ним врата. Рядом с детьми там отдыхали на крышах львы. Торжество мира. Птица же парила над крепостными стенами и умирляла свирепствующую снаружи бурю. Расул задумался: «Невзрачная серая пташка защищает целый город. А в моих краях вечное лето... что за грех я хочу на себя взять?! Глупая царица, глупая».

Расул отвязал от своей поклажи клетку и утопил её в пруду. За чертой ворот (слуга, не медля, двинулся в обратный путь) на его плечо опустилось перо. Оно растопило припорошивший всадника снег, мгновение спустя под копытами его коня зазеленела трава. Расул долго с умилением смотрел птице вслед. Ему было тепло, отрадно, он спрятал перо за пазуху и направил коня домой.

Когда за перепутьем дорог слуга на прощанье оглянулся, его ослепила метель. Ни птицы, ни города там более не было...»

Виктор вырвал из воды тридцатисантиметровую рыбину и, подержав её на вытянутых руках, отпустил назад в реку. Рыба нырнула на глубину и исчезла. Виктор улыбнулся. Его руки пропитались речным духом, а сам он ощущал лишь кислинку апельсинового сока со дня рождения дочери. В тот вечер плюшевый попугай девочки проболтал до замены батареек, но за кустом смородины, где он был позабыт, никто его не слушал. Соловей пел радостно, словно праздник имел к нему прямое отношение. Виктор угодил с подарком, тот вечер остался в его памяти как всё хорошее, что не забывается даже после чёрной полосы. Мужчина отложил удочку, подтянул колени к груди, обхватил их руками, после чего его ослепил свет. К реке приближалась машина.

Глава четвёртая

Первая мысль: едут «чистильщики» — запустила в теле Виктора механизм выживания. До веранды он допрыгнул без упора на огромного керамического гнома — безвольного хранителя сада — и, сгребая под себя черепицу, пополз к окну. Два огонька застыли на противоположной стороне улицы, Виктору пришлось перебраться в соседнюю комнату, откуда просматривалась вся дорога. К его удивлению, за стареньким внедорожником с несколькими перегоревшими лампочками в фарах не последовало конвоя. Джип встал у скромного домишки без номера, окна которого были заколочены. Спустя четверть минуты водитель, выдавший своё присутствие лучом фонаря, двинулся к калитке — та чуть приоткрылась, и в бёдра мужчины вцепился маленький силуэт. Зашли во двор эти двое — ребёнок и взрослый — вместе. Спустя ещё несколько секунд, насторожённо озираясь по сторонам, из дома к машине шагнул третий человек. Его костлявые руки выволокли из багажника мешок, и полуночник, пошатываясь, последовал за остальными.

Джип приехал с Севера, Виктор знал это. Сам он пришёл с Юга, как и всё, что пережило эпидемию. Ночь сгущалась. Угрюмая тень лесов уже царапала горизонт, взмывала высоко над уровнем моря, пряча за собой тусклое зарево. «Высьбург», — подумал Виктор, и волнение, какое не мучило его на заре долгой дороги, теперь отыгрывалось за счёт сомнения в достигнутом. Была ли там заповедная зона для выживших зверей и птиц, или только перед человеком отворялись врата будущего — ответы ждали Виктора в доме на противоположной стороне улицы.

Фото автора

Он не решился прятать соловья, опасаясь, что в случае нежелательного стечения обстоятельств птица погибнет. Было поздно скрывать планы, и мужчина убрал шкатулку в рюкзак, как следует накормив её жильца, чтобы соловей поменьше встречал в разговоры. Виктор двинулся к соседям без утайки, обозначая себя фонарным светом. У него всегда был свой путь через тернии — напрямик сквозь дебри невзгод, лишь бы совесть оставалась чиста. И тогда, чем бы всё ни заканчивалось, Виктор ощущал себя на шаг ближе к искуплению.

«Дневник. Запись от двадцать восьмого июня.

Новый год встретили в квартире одного из наших механиков. Эпидемия стояла в разгаре, но большинству было уже всё равно. Соседний район недели две как существовал без газа: запускать котельные там было не для кого. Наш черёд выпал в новогоднюю ночь, словно кто-то сверху хотел, чтобы мы не проснулись. Мораль тогда слабела, все гребли деньги выше нормы, лишь бы не оставаться в изгоях. Я ещё не знал, что этажами выше располагалась квартира директора автомастерской Пряхина, который сбежал с нашими окладами в надежде успеть на спасительный рейс. Ему не повезло: тест на вирус дал положительный результат. Не знаю, как он миновал карантин, но, видно, пара недель в пустой квартире поправили ему здоровье. Такие крысы всегда находят лазейки, где-то Пряхину готовили тёплый приём, и той самой новогодней ночью мы с мужиками вчетвером подтянулись к его двери. Он оставил нас без шанса дожидаться своей очереди на эвакуацию, поскольку безработных ждали либо санитарные халаты, либо наборы гробокопателей — чтоб приносить обществу пользу. Гостей директор не жаловал и прежде, а тогда наши пьяные физиономии пробудили в нём нечто первобытное. Щелчок затвора подействовал только на меня; остальные были пьяны поболее и набросились на Пряхина толпой, не дав тому вытащить из-за двери припасённый охотничий карабин. Удар в челюсть, затем под глазницу, и директор со всхлипом бросился доставать из шкафа наши деньги. Но разве был теперь в них смысл?! Маленький круглый человечек — в ту секунду Пряхин напомнил мне копилку-свинью, у которой нужно разбить дно, чтобы достать накопленную мелочь. Хозяин квартиры, у кого мы ночевали, усмехнулся. Директорский карабин был в его руках, а с ним и участь всех, находящихся в той прихожей на девятом этаже. Он выстрелил дважды, оба раза держа дуло на уровне своего таза. Он даже не целился, а просто нажимал на спуск, сладостно жмурясь от запаха пороха. Пряхин умер не сразу, я и двое других свидетелей пытались всё исправить, но слишком значительным оказался калибр. Меня затрясло до беспамятства. Кровь директора стекала по моим рукам, впитывалась в воротник стрелка, а я с такой силой вытряхивал из его обезумевшего лица ухмылку, что, стукнувшись о стену, пьяница на минуту потерял сознание. Остальные стояли накренившимися столбами и не знали, что предпринять. Я ушёл без оглядки, ничего не ответив на бьющие в спину вопросы, я не знал, что сказать.

По моём возвращении домой соловей панически забился о тесные стены клетки. В темноте он не различил меня и успокоился только от шелеста сушёных букашек. В ту ночь я понял, что окончательно попал в чёрный список общества. Пришлось достать из комода шкатулку для транспортировки соловья и довести её до ума. Обстоятельства напомнили мне об обещании, данном дочери, и заставили действовать...»

Глава пятая

Тот единственный огонёк, что просачивался сквозь ставни в западном окне, погас, стоило Виктору дать о себе знать. Стоя перед забором, он по привычке сощурил левый глаз, ожидая, что в него врежется слепящий свет прожектора. Так бывало в зоне карантина, куда он ездил навещать дочь, пока та ещё...

— Гость из запретной зоны. Видно, нужно поубавить оклады «чистильщикам». Милая, сколько же мы не видели в здешних краях беженцев?

— Мммещацев щемь тощно!

Виктор сделал шаг назад и, потушив свой фонарь, процедил:

— Я не беженец, малышка.

Из темноты калитки показалась коренастая фигура. Густая рыжая борода незнакомца прятала его эмоции. Мужчина часто оборачивался, подставляя полумесяцу орлиный нос, — в дверях жевала малиновый пирог девочка. Левую сторону туловища рыжебородый держал в тени, и с улицы было не ясно, прятал ли он за пазухой оружие или третий обитатель дома взял контроль на себя. Запах малинового пирога наполнил рот Виктора слюной. Быть может, и соловей почувствовал нечто знакомое с тех времён, когда кусты малины под окнами родного дома будили его сладковатым дурманом. На миг птичье пение округлило глаза домочадцев, они растерянно переглянулись, что показалось Виктору хорошим началом. Он вытащил шкатулку, задержав её на уровне глаз. Рыжебородый зажмурился, протянул к соловью указательный палец и широко улыбнулся. Оружия при нём не было. Когда Виктор передал ему шкатулку, мужчина разрешил подойти и девочке. Та сделала неуверенный шаг, секунду подержалась за отцовскую руку и устремилась на соловья распахнутые голубые глаза. Ей было не больше шести: маленькая, с шелковистыми рыжими волосами до поясницы; девочка вслед за отцом поднесла к шкатулке палец, но соловей напугал её, перепугавшись сам. Рыжебородый рассмеялся. Тогда Виктор спустил рюкзак на землю, оголил левое бедро, позволив забрать у себя пистолет, и глава дома уверенно отдал приказ: «Димка, отбой!»

Виктор оглянулся — в чердачном окне мелькнул силуэт. Вспыхнувшая спичка расписала тонкое лицо парня иллюзорными подрезами; он отвёл дуло ружья в сторону и выдул в прохладу улицы струйку сигаретного дыма. Виктор узнал этот запах: шоколадные «Lucky Strike». Такие курил его напарник в прежнее время. Раритет. Малиновый пирог, сигареты — не будь улицы погружены во мрак, Виктор мог бы представить, что прошедшие два с половиной года стали его кошмаром после плотного ужина. Но реальность не искала оправданий: кто-то под заревом Высьбурга не давал семье забыть некогда пресную повседневность, ставшую для Виктора мечтой.

— Сколько ещё путников скитается по мёртвой земле, ночует в пустых домах? Сколько на свете тех, кого штамп Р-17 оставил хранить воспоминания? — рыжебородый вопрошающе поднял голову к звёздам, но ему никто не ответил. Шкатулку Виктор отдал девочке; та с горящими глазами просунула за решётку крошки от пирога и на вытянутых руках понесла соловья в дом. Следом пошёл её отец, попросив гостя запереть калитку на засов.

Деревянные стены сарая не сдерживали грохот генератора. Это мучило Виктора всё застолье, добавляло ему в жареный картофель привкус пересола. Хозяин дома молча улыбался, шелестя страницами распушившейся энциклопедии о природе. Они с Виктором уже выслушали друг друга и до подходящего момента держали паузу. За эмоциями ребёнка, который по-своему растолковал птичий язык, собственные голоса казались им слишком грубыми; мужчины дождались момента, когда девочка уснула, и брат отнёс её в кровать. Стоял первый час ночи. Генератор уже молчал, компания сидела за столом при тусклом свечном томлении. Свои планы рыжебородый не доводил до обсуждения, отрезал коротко:

— Завтра в полдень я еду в город, со мной можешь не переживать, никто не тронет.

«Дневник. Запись от тринадцатого августа.

Его звали Тарас, и он озаботился воспитанием детей задолго до эпидемии. Его супругу убил карманник, это произошло студёным январским вечером. С того дня в пору снегопадов мужчина бредил, сквозь сон проклиная звон лопат по мёрзлой земле. Затем наступало утро, детские голоса стирали из его памяти полночные кошмары, и Тарас жил дальше. Ко времени эпидемии у него было своё маленькое дело: мужчина перевёз в пригород строящегося Высьбурга детей и открыл там продовольственный магазин. Все знали, что после трудовой смены работяги толпились у дверей Тараса ради свёртка «Зимней розы» — чудесного порошка, обеспечившего для семьи мужчины пропуск в новый мир, в нижние этажи, если говорить точно. Причина заключалась в прогнившем порядке: как бы препарат ни называли, разрешить его официально было невозможно. Роль Тараса в производстве ограничивалась поставкой одного из компонентов. Мужчина посчитал, что выращивать табак ему будет проще на воле, в закромах закона это сочли приемлемым. Дальнейшее приготовление происходило в подвалах рабочих зон города. Для доставки товара Тарас выбил себе пропуск через проходную номер девять, где каждое второе дежурство старшим охранником в смене стоял шестидесятилетний бывший опер Сергей Солдатов, Гусар, как мужчину дразнили за солидные усы и статное сложение. Его считали приверженцем дисциплины и морали, но за суровым взглядом и до блеска начищенными ботинками майора существовал «мой дорогой Серёжа» — так его ласково называла любовница Вера Павловна. Супруг и сын женщины трудились в рабочих зонах; «Зимняя роза» была подработкой семьи в часы пересменки, когда подвал городской пекарни менял сферу деятельности. Там Тарасов табак порционно распределялся по бумаге для самокруток, после чего полученные трубочки склеивались с горстями заветного белёсо-алого порошка. Для полноты картины «заснеженный бутон» паковали в фольгу цвета зелени. Вся фармацевтическая таблица превращала полученный препарат в анаболическое средство с эффектом психического воздействия. Рабочие площадки заплотонили неутомимые, усеянные кожной сыпью верзилы с красными глазами. Тарас отхватывал с этого свой кусок пирога и для себя, и для детей».

Оставшуюся ночь Виктор не мог уснуть: надоедали сомнения и хозяйский храп. Сын Тараса так и не прилёг — возился в предбаннике, накалывая дрова для растопки. Своего спутника Виктор оставил в спальне девочки, но подскакивал от каждого звука, издаваемого птицей, — боялся, что её нечаянно выпустят, и тогда соловей исчезнет навсегда. За окнами расплёскивалась чернота. Только одна дорога вела в Высьбург, асфальт искрился игольчатым дождём из звёздно-лунного фейерверка. Уже возле стелы города на восток утекала грунтовка, по которой ходили внедорожники с передвижными лабораториями «чистильщиков». Туда увозили пойманных бродяг, преступников и невменяемых; все провинившиеся сперва попадали на грунтовку, а назад возвращались единицы. Виктор видел планы на строительство изолятора ещё в пору занятости монтажником. Доступ туда был закрыт даже для инженерного состава. Мужчина готовился к худшему. У него не было пропуска, он подозревал, что значился в полицейских ориентировках, и табачный барыга оставался его единственной надеждой.

Глава шестая

Виктор неохотно открыл глаза от тычков в спину — Тарас протягивал ему полотенце. Из банной каморки по полу струился пар. Дровница во дворе стояла забитой под потолок, сын хозяина ковылял в дом с охапкой поленьев. Виктор по привычке потянулся к резвящемуся соловью и нашёл шкатулку на тумбе рядом с кроватью. Девочка принесла её до похода в баню, откуда вышла довольной, по самый нос укутанной в полотенце. На своей кровати Виктор нашёл сменную одежду. Она была широка в плечах и талии, отчего мужчине пришлось пережать джинсы ремнём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.